

Гражданская оборона: «Речь идёт о выживании»

Матери, проходящие минометную подготовку, дети на курсах дезинформации: в странах Балтии и Северной Европы оборона и стойкость — это обыденное явление и ответственность общества. В Германии же это (по-прежнему?) предмет споров. Кто защищает свободу?

Ингрид Нильсен из Таллина, будучи активисткой-экологом и убежденной пацифисткой, никогда бы не подумала, что ей придется носить военную форму. «Если бы я могла уничтожить все оружие в мире, я бы это сделала», — говорит она.

Затем наступило 24 февраля 2022 года. Кадры из Бучи. Массовые захоронения. Разрушенные города. Сообщения об изнасилованиях. «У меня три дочери», — говорит она. В тот момент абстрактная угроза стала личной. «Когда живешь рядом с Россией, у нас нет роскоши пацифизма. Поэтому мы готовимся. Потому что другого пути нет».

Несколько раз в год мать троих детей стоит в заснеженном лесу, заряжая 120-миллиметровую гранату в миномет. 35 килограммов снаряжения на плечах, руки онемели от холода. Она — одна из четырех женщин в своем подразделении.

С начала российского вторжения тысячи женщин, подобных ей, вступили в эстонскую добровольческую организацию Naiskodukaitse («Женская самооборона»), женское отделение Эстонской лиги обороны Kaitseliit. Ее цель — сделать оккупацию невозможной. В Латвии также растут ряды Zemessardze, в Литве — Lietuvos šaulių sąjunga, а в Финляндии — Maanpuolustuskuulutusyhdistys. Принцип везде один и тот же: оборона понимается как ответственность всего общества.

В Эстонии это не просто лозунг, а система. Имея всего 7000 профессиональных солдат на 1,3 миллиона населения, страна полагается на добровольцев — резервистов, IT-специалистов, добровольцев-медиков, учителей и родителей. Матери организуют молодежные группы. Программисты обеспечивают безопасность сетей. Граждане тренируются в тех же лесах, где играли в детстве. «Добровольцы — это связующее звено нашей устойчивости», — говорит Неле Лоорентс из Международного центра обороны и безопасности в Таллинне. «Речь идет о закреплении готовности в национальном сознании». По ее словам, для Эстонии оборона — это «вопрос выживания». То же самое справедливо и для других балтийских и скандинавских государств.

Уроки Северной Европы

Чему Германия может научиться у стран, для которых угроза — это не абстрактная возможность, а реальность? Этот вопрос стал центральной темой конференции, организованной Фондом Конрада Аденауэра, входящим в состав ХДС (Христианско-демократического союза). Мероприятие под названием «Гражданская оборона и устойчивость общества — уроки российской агрессии и стран Северной Европы и Балтии»

состоялось в посольствах скандинавских стран в Берлине — всего за несколько дней до голосования по новой модели призыва на военную службу. Эксперты по безопасности из Финляндии, Латвии и Украины обсудили вопросы обороны в демократических обществах.

«Гражданская оборона — это не только солдаты и оружие, — заявил на церемонии открытия Флориан Константин Фейерабенд, эксперт по международному сотрудничеству, политическому диалогу и политике безопасности. — Она касается всего общества». Германия слишком привыкла воспринимать безопасность как нечто само собой разумеющееся. В то время как Москва ведет гибридную войну, направленную как против общества, так и против армий, Германия слишком комфортно чувствует себя в условиях мира. «Устойчивость — это не выбор, — сказал он. — Украина показывает, что она необходима для выживания».

В скандинавских и балтийских странах эта общественная устойчивость прочно укоренилась. В Латвии оборона начинается в повседневной жизни. «В кризисной ситуации граждане должны взять на себя ответственность, потому что армия и службы экстренной помощи будут перегружены, — сказала Сигита Струберга из Латвийской трансатлантической организации. Военное образование там входит в школьную программу. В Финляндии дети учатся распознавать дезинформацию с раннего возраста. Политики регулярно посещают подземные убежища Хельсинки — достаточно большие, чтобы вместить почти все население столицы. «У каждого есть своя роль. И каждый должен её знать», — говорит финский исследователь Пекка Каллиониemi.

Украина, в частности, преподносит нам урок. «В Украине устойчивость — это не то, что государство предписывает сверху», — говорит политолог Оксана Гусс из Университета Дуйсбург-Эссена, которая родом из Украины и сейчас занимается исследованиями устойчивости. «Она развивается горизонтально».

После Революции Достоинства 2014 года, когда государство под руководством тогдашнего президента Виктора Януковича применило насилие против демонстрантов, граждане начали самостоятельно организовывать медицинскую помощь, логистику и структуры защиты. Из импровизированных инициатив возникли прочные сети: они снабжали солдат, оказывали помощь перемещенным лицам и в конечном итоге обеспечивали функционирование целых городов во время российского вторжения 2022 года.

В Германии же, напротив, многие по-прежнему ожидают, что государство позаботится обо всём, говорит Оксана Гусс: «В условиях реального кризиса это не работает».

Новая дискуссия в Германии

В то время как оборона является частью повседневной жизни в странах Балтии, Германия только сейчас начинает вновь сталкиваться с этой проблемой. Десятилетиями вопросы безопасности были делегированы — оборонным альянсам, дипломатии и экономической взаимозависимости. Теперь же эта тема возвращается в школьные классы, молодежные

центры и социальные сети.

Солдаты посещают школы, рассказывая о сдерживании и зарубежных операциях. Конференции по вопросам устойчивости общества, некогда нишевая тема, полностью забронированы. Даже Фонд Генриха Бёлля, близкий к Партии зеленых, посвятил свою ежегодную конференцию по внешней политике в январе 2026 года вопросу о том, как демократии могут стать более устойчивыми — в военном, социальном и политическом плане. Всего несколько лет назад это было бы практически немыслимо в пацифистски настроенной среде экологического движения.

Насколько немецкое общество готово принять этот сдвиг в менталитете, покажет время. Но дискуссия вышла за рамки политических институтов. Она вошла в повседневную жизнь. И всё это вращается вокруг вопроса, на который давно есть ответ в странах Балтии, но который только сейчас задают в Германии: какую роль играет само общество, когда ситуация становится серьёзной?

Общественный процесс

Изменения происходят медленно и остаются спорными. Для многих немцев оборона по-прежнему остаётся чем-то далёким и абстрактным.

Например, Янник Кисель, активист движения за мир и защиту окружающей среды из Берлина, решительно отвергает аргументы немецкого правительства относительно масштабов угрозы со стороны России и необходимости ремилитаризации. Да, Россия — агрессор, и да, война должна закончиться. Но: «Никто не показывает мне долгосрочный план того, как Украина должна победить». Кисель описывает разрушения прифронтовых городов — минные поля, разрушенная инфраструктура, потерянные дома. Для него остаётся вопрос: что можно было сделать раньше, и что можно сделать сейчас, чтобы предотвратить дальнейшие жертвы?

Он отвергает идею о том, что в Украине защищают «нашу свободу». «Люди в Украине гибнут, потому что защищают свою страну, а не нашу свободу». Патриотизма, подобного тому, что наблюдался там, в Германии не будет. «Я не буду защищать свою страну, потому что не знаю, что здесь защищать».

Для Киселя безопасность возникает не от военной мощи, а от социальной стабильности: «Социальная сплоченность не улучшится от вооружения для самообороны. Она улучшится от укрепления образования, социальной сферы и интеграции».

Это осознание имеет и конкретное измерение. В случае нападения на страны Балтии или других союзников по НАТО, оперативный план Германии (ОПЛАНДЕУ) предусматривает, что «центральные военные компоненты национальной и коллективной обороны будут объединены с необходимыми гражданскими службами поддержки». Благодаря своему географическому положению, Германия станет логистическим центром, перевалочным пунктом для подкреплений НАТО — сотен тысяч солдат с техникой, танками и

боеприпасами. Военные транспорты будут курсировать по железным дорогам и автомагистралям, а гражданские больницы будут оказывать помощь раненым. Нехватка ресурсов тогда повлияет на повседневную жизнь. Оборона перестанет быть чем-то далеким, а станет видимой и осязаемой.

«Это не паника. Это наша реальность. Мы должны быть готовы», — говорит Ингрид Нильсен в Таллинне.

Пока трудно предсказать, выработает ли Германия когда-нибудь подобное отношение к собственной обороне, как Финляндия, страны Балтии или Украина. Но этот вопрос вышел за рамки конференц-залов и политических дебатов. В контексте критики новой модели призыва на военную службу вопрос уже не сводится к тому, насколько сильна армия, а скорее к тому, насколько к этому готово общество.

Провозглашенный бывшим канцлером Олафом Шольцем сдвиг парадигмы еще не полностью реализован. Но он начался. И, как говорит Роланд Бёскер, это «не решение, а непрерывный процесс».